

27. З української старовини: Альбом. / Текст Д.І.Яворницького, малюнки М.С.Самокиша, С.І.Василевського. Пер. з рос. та упорядкування Ю.О.Іванченка. – К.: Мистецтво, 1991. (пагінація відсутня).

Плишакова Ю.В.

ПОИСКИ ПОДЛИННОГО ЛИКА РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Р.М.РИЛЬКЕ

Райнер Мария Рильке – один из самых значительных немецких поэтов конца XIX – начала XX веков. Связь творчества поэта с русской тематикой, с многочисленными русскими писателями, поэтами и художниками, наконец, тот факт, что он называл Россию своей “духовной родиной” [4, с.8], делает для нас привлекательным его творчество и вызывает необыкновенный интерес к теме популяризации русской литературы, живописи, культуры в Европе. Объявление 2002 года – годом России в Украине, а также желание глубокого изучения данного предмета под углом зрения современности, объясняет актуальность и цель следующего научного исследования.

Будучи учеником Торговой академии, Рильке впервые знакомится с русской литературой, читая Л.Н.Толстого. Однако это знакомство, как выясняется впоследствии, было заочным. Общеизвестен факт возникновения многих международных связей на основе установленных личных контактов. Именно на основе завязавшихся личных отношений, углубляются и расширяются рамки проявившегося интереса, развиваются политические и культурные связи, появляются прекрасные произведения искусства.

Одно из самых главных событий в жизни Рильке состоялось 12 мая 1897 года, произошла встреча Рильке с уроженкой Петербурга Лу Андреас-Саломе. (Луизой Густавовной), дочерью русского генерала. Лу отправилась учиться в Европу ещё в ранней молодости, в 1887 году она вышла замуж за профессора Ф.К.Андреаса, но связь с родиной не порывала, сотрудничая в журнале “Северный вестник”. Именно в “Северном вестнике” был впервые позднее опубликован перевод с рукописи рассказа Рильке “Все в одной”. Бесспорным является тот факт, что дружба с Лу послужила поводом для возникновения живого интереса к России и русской культуре. Поэт называет знакомство с Лу событием, “ускорившим его внутреннее развитие” [6, с.48], “...но вот однажды, благодаря одному близкому мне человеку, в меня вошла Россия, за два года до моего в неё путешествия, и именно этим, ... был подготовлен мой поворот к подлинно самому себе» [там же].

Образ Лу в обращённом к “Богу” стихотворении из “Часослова”, написанном летом 1897 года и адресованного ей, первое любовное переживание поэта.

(Перевод К.Азадовского)

“Закрой мне слух - тебя услышу я,

Затми мне зреньё - всё равно замечу,

без языка я буду звать тебя

И побреду без ног тебе навстречу»[6, с.52].

Общение с Лу захватило поэта целиком и полностью. Эта встреча вызвала горячий интерес к России и ко всему русскому. Эта удивительная дружба была особенно полноценной первые три года, но продлилась до конца жизни поэта. Рильке восторгался Лу, она представляла для него идеал женщины: “Твои струны так богаты; и как далеко ни сумел бы я уйти, ты всегда будешь впереди меня. Мои сражения давно стали твоими победами, потому-то иногда я так мал перед тобой; и всё же мои новые победы принадлежат тебе, и я хочу одаривать тебя ими” [6, с.54].

Подтверждением возникновения сильного интереса к России является также переписка поэта с Еленой Ворониной, молодой русской, с которой он познакомился весной 1898 года в Виареджо. В декабре Рильке сообщает Елене о том, что собирается совершить путешествие в Россию. 27 апреля 1899 года Рильке действительно прибывает в Москву в компании супругов Андреас.

Пребывание Рильке в России не было праздным, он встречается со многими людьми: писателями, художниками. У поэта возникает много новых творческих идей, экономических проектов, многим из последних, к сожалению, не суждено было сбыться. Едва прибыв в Москву, Рильке отправляется с рекомендательным письмом к художнику Л.О.Пастернаку, отцу известного позднее поэта Бориса Пастернака. Л.О.Пастернак был хорошо знаком с Л.Н.Толстым, произведения которого, юный Рильке читал в шестнадцатилетнем возрасте, способствовал осуществлению давней мечты поэта – знакомству с Л.Н. Толстым. Рильке был очарован личностью Льва Николаевича Толстого, об этом визите он писал своей матери следующее:

“...Вчера мы были приглашены на чай к графу Льву Толстому и провели у него два часа, получив огромное наслаждение от его доброты и человечности. Мы были тронуты простотой его любезности и как бы благословлены этим великим старцем, который способен так по юношески и проявлять свою доброту и злиться” [4, с.360].

В Москве Рильке провёл неделю, затем он едет в Петербург. Пребывание Рильке в Петербурге связано в первую очередь с его погружением в русскую живопись, именно она всё больше и больше привлекает поэта. Он глубоко заинтересовался иконами, а также новыми направлениями в русском искусстве. Райнер посещает художника И.Е.Репина. После встречи с Репиным, Рильке пишет в письме к Гуго фон Залюсу: “Я уже три недели в России, но кажется, будто три года, настолько мне здесь хорошо. Москва была первой целью, пасха – первой радостью, Толстой – первым человеком в новой стране, которого я посетил. Это трогательнейший человек и притом “вечно русский». А после этого я пережил ещё столько нового, что до сих пор не обрело названия в моей душе. Трудно высказать, сколько новизны в этой стране и сколько будущности» [там же]. Теме творческого потенциала России посвящаются многие современные публикации, подтверждая актуальность сформировавшихся взглядов Рильке ещё в то далёкое время.

В конце мая заканчивается первое путешествие поэта в Россию. Его впечатления от пребывания очень трогательны, пронизаны любовью и восхищением. Однако любому путешественнику знакомы душевные порывы, вызванные новизной увиденного и услышанного в дороге, которые впоследствии неоднократно

претерпевают ряд корректировок. Полнота этих впечатлений захватывает поэта настолько, что он пишет об этом в письме к Ворониной от 15 июня: “Я пересекаю границу в этот день с тяжёлым сердцем, и меня утешает лишь одно: что я внутренне настолько полон Россией и одарён её красотой, что находясь за границей, я едва ли буду замечать что-либо” [4, с.363].

Следующий период в жизни Рильке, а именно десять месяцев в Шмангендорфе, полностью посвящён России. Поэт изучает русскую культуру, русский язык. Его успехи вызывают неподдельный интерес, ведь теперь поэт способен читать русских авторов в подлиннике. В этот период возникают его новые произведения – результат путешествий поэта в Москву и Петербург: “Книга о монашеской жизни”, составившей первую часть знаменитого “Часослова”, а также серия небольших рассказов “О господе боге”; рассказы: “Как Тимофей, пел умирая”, “Песнь о правде” – посвящены теме украинского народного певца, и др. В этих произведениях, коротких, но содержательных, носящих философский характер, поэт демонстрирует необычайно глубокие знания о России и её владениях, начиная с исторических фактов и заканчивая деталями быта и интерьера. На вопрос Эвальда, одного из главных персонажей “Песни о правде”, “...разве народ хотел освободиться от царя –”, автор отвечает: “Властелинами южной России, её тихих пустынных степей, которые зовутся Украиной, были некогда польские паны. Они были жестокими владыками. Народ вокруг Киева и вверх по Днепру, страдавший от гнёта панов и жадности евреев – арендаторов, в руки которых были отданы даже церковные ключи, так что православные получали их только за особую плату, был истомлён и начал задумываться о своей судьбе. Даже Киев, святой град, где Россия впервые заговорила о себе четырьмястами куполов, всё более уходил в себя, всё более разрушался пожарами...” [4, с.410]. Приведённые строки свидетельствуют об изучении исторических фактов, а описание жизни обитателей степей – знакомстве с бытом: “...в темнеющем углу каждой комнаты стояла старая икона, ...и отблеск лампадки пробивался сквозь звёздную ночь. Эта икона – единственная опора, единственный, надёжный знак на пути, и не один дом не стоит без неё» [4, с.411]. Рильке называет икону святого Николая Чудотворца, как особо почитаемую на Руси и в южных её окраинах. Поэт восторгается народным фольклором, его поражают необыкновенно построенные, красивейшие сравнения в песне: “Под звуки печальной песни долу склонились все головы, долу клонились и голова старого Остапа:

“Нет больше Правды в мире... Правда, кто отыщет тебя?... О Правда, Правда-Матушка с орлиными крыльями! Может стать, придёт ещё праведник, явиться человек ищущий Правду! Тогда сам Бог – помощник ему; один только Бог ему поможет и прямыми сделает пути праведника” [4, с.414]. В этих строках поэт пытается выразить противоречивость русского характера: поиск чистоты, истины, правды, с одной стороны и отсутствие активных действий, созерцательность, надежда на более сильную личность, вера в Бога и покорность, с другой стороны. Поэтичен образ кобзаря, играющего на бандуре – олицетворение певца правды, надежды на счастливое будущее.

Рассказ “Как на Руси появилась измена” представляет собой новеллу-сказку, сюжет которой посвящён Ивану Грозному. На примере этих рассказов Рильке демонстрирует в очередной раз, близкое знакомство с русской историей, её культурой, знания о народах, входящих в состав Российской империи.

В книге “О монашеской жизни” тема путешествия в Россию звучит не так отчётливо. Эта книга в стихах – монолог монаха с богом. В центре находится идея бога. Однако образ бога у Рильке своеобразен. Он пишет не о боге определённой религии, а о боге вообще, как о “символе иррационального бытия” [4, с.364]. Несомненным является тот факт, что предметность данного произведения вызвана глубоким резонансом от увиденного в России, её религиозностью, величием российских храмов и чистым перезвоном её церковей.

Во второй поездке Рильке вместе с Лу опять посещают Л.Н. Толстого, но теперь уже в Ясной Поляне. Оттуда начинается путешествие Рильке и Лу по России и Украине. Они пробыли в Киеве около двух недель. Осмотрели ряд исторических памятников: Софийский и Владимирский соборы, Киево-Печёрскую лавру, глубоко поразившую Рильке, плыли по Днепру до Кременчуга, посетили могилу Т.Г. Шевченко, “в лице которого Рильке ценил не только великого украинского поэта, но и талантливого художника” [4, с.371]. Поэтическая слава Рильке началась с книги “Часослов”, написанной в 1899, 1901 и 1903 годах под впечатлением посещения России, Украины. В известном стихотворении “И в наследьи зелены”, вошедшем в этот сборник, отражены образы Московского Кремля, Киево-Печерской лавры, Казани, сравниваемые с Венецией, Флоренцией и Римом, которые словно жемчужины украшают наши дни:

Тебе в наследство и Казань, и Рим,
Флоренция с Венецией, а к ним
И Лавра Троицкая, и тот монастырь,
Что в Киеве разросся вглубь и вширь.
Уйдя под землю в сумрак богомольный.

Тебе в наследство град первопрестольный [2, с. 240–241.]

Русские темы, столь существенные для “Часослова”, играют и в новой книге «Книге образов» заметную роль. Примером тому служит цикл стихотворений “Цари”. Этот цикл сложился в основных чертах в 1899 году, получил завершение в 1906 году в Париже. “Цари” интересны нам в первую очередь тем, что связаны с поиском подлинного лика России, с другой стороны, созданием художественного мира русских былин, который был ещё малоизвестен за пределами России. Необычайно выразительно изображены Илья Муромец и Соловей – Разбойник.

... Два странника призвали божье имя,
И, хворость одолевши, перед ними
Встал богатырь из Муромы, Илья
далее:
Но взрослый сын воспрянул, вышел в поле

И в борозду вогнал тяжёлый плуг.
Он вырывал деревья, что грознее
Бойцов стояли твёрдо сотни лет,
И тяжесть поднимал, смеясь над нею,
И корни извивались, точно змеи,
Впервые видящие свет [2, с.260].

Рильке с большой убедительностью воплотил в этом поэтическом цикле мысль об обречённости царской власти в России, о её вырождении. Упадок царской власти предстаёт как неизбежность и одна из составляющих её подлинный лик:

Последний отпрыск царственной семьи,
Монарх безвольный, грезит в забыти,
Ждёт почестей на троне; и в смятении...»
«Вокруг него склоняются бояре.
Одетые в сверкающие латы, –
Царь словно обречён жестокой каре
Князей, что нетерпением объаты.
Подобострастия полны палаты.
Все помнят о почившем государе,
который часто, буйствуя в угаре
Безумия, их бил о камни лбом [2, с.262].

В написании картин - стихотворений о России присутствует и этот тёмный оттенок – бесправия и насилия. Рильке удивляется обилию храмов в России, неоднократно умиляется их колокольному звону, составляющему звуковой фон его огромного полотна о ней:

Колокола, чья песня так прекрасна, –
Вот первые цари его державы [2, с.265].

Огромное впечатление на поэта произвёл образец русской словесности «Слово о полку Игореве». Раймонд восхищался храбростью русских воинов, как историческим фактом, был очарован выбором стилистических средств, красотой слога, богатством русского языка. «Самым восхитительным местом считаю плач Ярославны. Также начало, где даётся гордое, непревзойдённое сравнение с десятью соколами, спущенными на лебедей. Ничего подобного я не знаю» [4, с.382]. По мнению большинства критиков перевод выполнен адекватно, одобрен специалистами для ознакомления немецких читателей с русскими былинами и сказаниями, что несомненно способствовало популяризации русской литературы.

Путешествие по Волге произвело на поэта незабываемое впечатление «Всё, что я видел до этого, было лишь представлением о стране, реке и мире. Здесь всё в натуральную величину. У меня такое ощущение, как будто я увидел работу творца» [4, с.372].

К числу реализованных замыслов поэта, связанных с русской тематикой, относятся две известные статьи поэта: «Русское искусство» и «Основные тенденции в современном русском искусстве». Кульминацией в изучении Рильке русского языка и русской культуры является написание им восьми стихотворений на русском языке.

Известно намерение поэта посетить Россию в третий раз. В письме к Кларе Вестхоф 1900 году поэт сообщил о своём намерении: «В январе 1901 года я снова уеду в Россию. Там для меня странным образом упрощаются все черты жизни и всё становится яснее, там мне легче работать, улучшать, добавлять» [4, с.378]. Однако третья поездка в Россию не состоялась в силу определённых обстоятельств.

Особое место в творчестве поэта занимает статья, посвящённая основным тенденциям в современном русском искусстве, в которой, поэт подтверждает значимость русской литературы во всём мире, оригинальность и уникальность русского изобразительного искусства, пытается дать ответ на вопросы: каковы тенденции развития русского искусства, чем они вызваны? Рильке, изучая жизнь русского человека, совершает попытку понять суть происходящих явлений – основу возникающих тенденций. Он пишет: «Жизнь русского человека целиком протекает под знаком склоненного чела, под знаком глубоких раздумий, после которых любая красота становится ненужной, любой блеск - ложным. Он поднимает свой взгляд лишь для того, чтобы задержать его на человеческом лице, но в нём он не ищет гармонии и красоты. Он стремится найти в нём собственные мысли, собственное страдание, собственную судьбу и те глухие дороги, по которым прошли долгие бессонные ночи, оставив эти следы. Русский человек в упор рассматривает своего ближнего; он видит его и переживает и страдает вместе с ним, как будто перед ним его собственное лицо в час несчастья. Этот особый дар видения и воспитывал великих писателей: без него не было бы ни Н.Гоголя, ни Ф. Достоевского, ни Л. Толстого» [4, с.386]. Отмечая особый дар сопереживающего созерцания писателей, поэт говорит о том, что этот дар не может создать великих художников, «...так, как русскому человеку не хватает бесстрастия, чтобы взглянуть на лицо с живописной точки зрения, то есть спокойно и незаинтересованно как на предмет, не принимая в нём человеческого участия..., то есть от образного содержания к сюжетному» [там же, с.387]. Именно по этой причине, с точки зрения автора статьи, русские художники писали «сюжеты». В этом не было бы ничего зазорного, если бы не тот факт, что эти сюжеты были, преимущественно, иностранными, и как всё заграничное, со времён Петра Великого, воспринимались в России с недоверием с одной стороны, с другой стороны, терялся национальный колорит и оригинальность.

Знакомство с русской живописью в статье Рильке начинается с художника Д.Г.Левитского и это не случайно. Именно Левитский, по мнению поэта, воплощает в своих картинах-портретах «очарование изнеженного времени» (там же; стр.388) – конца восемнадцатого века, когда знать испытывала потребность в картинах, «...оттого, что любили зеркала» [там же]. По мнению Рильке, идей тогда в живописи не было и всё сводилось к изображению прекрасной жизни знати, отражающейся на их очаровательных лицах - портретах кисти Левитского. В один ряд с Левитским поэт ставит О.А.Кипренского, Варнека, А.Г.Венецианова, П.А. Федотов, высоко оценив попытку Венецианова, познать жизнь крестьян, уйдя в де-

ревню и там писать. Поражает попытка поэта не просто познакомить с именами известных русских портретистов и их работами, но и вызвать интерес к их творчеству, определёнными моментами их биографий, продемонстрировав тем самым глубокую личную осведомлённость. Примером тому служат представленные читателям статьи, художников-пейзажистов: А.Иванова и И.Крамского. «Иванов почти всю свою жизнь прожил в Риме, работая над одной единственной картиной, к которой он всё более охладевал, не будучи в силах окончательно расстаться с ней, свои силы, свою юность, любовь – всё вложил он в эту громадную картину, которая не отпускала художника, цепляясь за него, как двойник, и он сидел перед нею, печальный и опустошённый» (там же; с.389). Рильке подробно останавливается на биографии Иванова, что особенно примечательно для нас, так как всё, что происходит в жизни художника: одиночество, размышления о родине, намерение стать монахом, радикальный пересмотр своих убеждений под воздействием чужого влияния, и в конечном итоге – смиренная набожность; Рильке объясняет особой чертой русского народа – «глубокой русской набожностью.» [там же, с.389].

Поэт приходит к выводу о том, что «слава Иванова покоится на том, что он пытался установить связь между искусством и русской душой» [4, с.390].

Характеризуя следующих представителей из ряда известнейших художников России, Рильке пишет о Крамском, Репине и Васнецове. По его мнению, В.Васнецов как и Крамской «...пытался объединить искусство с русской душой, прорыть каналы, целую систему каналов, которые выводили бы свои тёмные мерцающие воды прямо в искусство, будучи проще и смиреннее остальных, он не решается при этом размышлять о собственной душе и ищет великую народную душу, общую для всех, – он ищет её среди крестьян, в их жизни, в их обычаях, их вере и суевериях, в их старинных песнях, былинах, о которых так прекрасно сказал виконт де Воюэ, назвавший их музыкой истории. Он познал всё язычество этой души и её набожность» [4, с.391].

Погружение в изучение русского искусства у Рильке произошло настолько глубоко, что поэт может детально описать отличия русской иконы от итальянской иконы алтарного образца. Русская икона, как считает Рильке: «...является церковным атрибутом, как золотой сосуд или древняя молитва. Её форма традиционна. Столетия внесли в неё лишь самые незначительные изменения» [4, с.391]. Однако он отрицает тот факт, что будто бы этот вид живописи не развивался, ведь русская церковь всегда жила своей жизнью. «Она живёт бесконечно тихой, бесконечно медленной жизнью, родственной внутренней жизни самого народа, душа которого наливается силой не как цветок – одногодок, а как дерева, чей рост замечаешь лишь тогда, когда расстаёшься с ними ребёнком, а возвращаешься стариком» [4, с.392]. Рильке, конечно, упоминает о том, что икона не может быть произведением искусства в общепринятом смысле, но она является: «существеннейшим документом русской души и одним из тех путей, по которым она издалека приближается к искусству» [там же; с.392]. Это является бесспорным фактом современности – проявление восторга и необыкновенного интереса к русским иконам со стороны ценителей мировых культурных ценностей.

Описывая развитие русского искусства, Раймонд не забывает сказать несколько слов о древних промыслах, которые и поныне живут в русском и украинском народах – художественной вышивке на полотенцах и одежде, художественной росписи деревянных и пр. изделий. Эти мотивы изучали В.М. Васнецов и С.В. Малютин, они использовались также для оформления детских книг. Народное творчество в русском искусстве вызвало необыкновенный восторг автора. Поэт приходит к выводу о том, что русская душа пытается выйти к искусству: к большому искусству. Личные контакты Рильке с представителями русской интеллигенции, можно дополнить многими известными именами, среди которых: А.Н.Бенуа, М.Горький, И.Бунин, В.В.Голубев, С.В.Дягилев; переписка с М.Цветаевой и Б.Пастернаком.

Заочное знакомство с М.Цветаевой и Б.Пастернаком дополнило огромную массу впечатлений от общения с русскими. Это произошло в 1926 году, когда поэту было около 50 лет и он жил в Швейцарии, в уединённом маленьком замке Мюзот, болезнь заставила его лечиться на курортах и в санаториях. Именно в местечке Вальмон начинается эпистолярное общение с молодыми русскими поэтами М.Цветаевой и Б.Пастернаком. Поэзия как высшее духовное начало, проявляющееся во времени через его «носителей» – поэтов, становится одной из главных тем в этой переписке. Все трое пишут об изначальном, что способно возродиться в поэтах «через времена». Узнав от Л.О.Пастернака, что Рильке помнит о нём и следит за его литературными успехами, Б.Пастернак отправил ему большое письмо по-немецки. Пастернак пишет Рильке о поэте «который вечно составляет содержание поэзии и в разные времена, именуется по-разному» [5, с.25.] Подхватывая эту тему, Раймонд отвечает М.Цветаевой известным лирическим четверостишием на форзаце «Дуинезских элегий»:

Касаемся друг друга. Чем? Крылами:

Издалека своё ведём родство.

Поэт – один. И тот, кто нёс его,

Встречается с несущим временами... [5, с.25].

В приведённых строках – образ всадника, символизирующий двуединство поэзии и природы. М.Цветаева откликается на эти строчки следующим признанием: «Вы явление природы, воплощённая пятая стихия – сама поэзия, или Вы – то, из чего рождается поэзия и что больше её самой – Вас» [5, с.25].

В свою очередь Р.М.Рильке ответил Б.Пастернаку следующим коротким письмом: «Вы дали мне увидеть и почувствовать всё то, что Вы так чудесно приумножили в себе самом. В том, что Вы способны отвести мне столь значительное место в Вашем духовном мире. Сказывается величие вашего щедрого сердца. Да снизойдёт всяческое благословение на вашу жизнь. Я обнимаю Вас. Ваш Р.М.Р.» [4, с.385]. Из этого письма мы узнаём о том, что Б.Пастернак заочно познакомил Р.Рильке с М.Цветаевой. Впоследствии Р.М.Рильке посвятил два стихотворения М.Цветаевой. Первое – «Элегия»:

«О, утраты вселенной, Марина, звёздная россыпь!

Мы не умножим её, куда мы не кинься к любому

В руки созвездью, а в общем-то, всё сочтено...» [2, с.412].

Приведённый отрывок «Элегии» к М.Цветаевой, как и письмо к Б.Пастернаку подтверждают оживлённую переписку поэтов друг с другом и постоянный, взаимный, творческий интерес. Вот, например, отрывок из одного из писем Рильке – Цветаевой «Чудная Марина, как в первом твоём письме, так и в каждом последующем я люблю и восхищаюсь точностью, с какой ты ищешь и находишь, твоим неутомимым путем к тому, о чём ты думаешь, и – всегда – твоей правотой. Всегда, когда я пишу тебе, я хотел бы писать, как ты, высказываться по – твоему, с помощью твоих таких содержательных, но при этом таких эффективных средств» [4, с.350].

Смерть Р.М.Рильке глубоко потрясла русских поэтов. М.Цветаева написала реквием в стихах «Новогоднее», позже перевела несколько писем Р. М.Рильке, сопроводив их необходимым комментарием. В «посмертном» письме она писала: «... Не хочу перечитывать твоих писем, а то я захочу к тебе – захочу туда, а я не смею хотеть, - ты ведь знаешь, что связано с этим «хотеть...», и далее: «не смей грустить! Сегодня в полночь я чокнусь с тобой. (Ты ведь знаешь мой удар: совсем тихий!) Любимый, сделай так, чтобы я часто видела тебя во сне – нет, неверно: живи в моём сне. Теперь ты вправе желать и делать. С Новым годом и прекрасным небесным пейзажем!» [2, с.366]. Этот всем известный поэтический тройной союз создал немало чудных строк, одухотворённых мыслей и интереснейших дискуссий, нашедших своё отражение в их взаимной переписке, представляющей немалый интерес для всех любителей поэзии.

Заключительную часть статьи представляют поэтические опыты Р.М.Рильке на русском языке. Россия, общение с русскими поэтами и писателями, художниками, критиками настолько вдохновили поэта, что он решился на такой творческий шаг, находясь в порыве эмоционального подъема. Поэт не предначал эти стихотворения для печати. Они были изданы посмертно. Это явилось кульминационной точкой в любви к России, признанием поэта. Познакомиться с «русским» творчеством поэта можно на примере отрывка из стихотворения «Пожар»:

Белая усадьба спала,
Да телега уехала
В ночь куда-то, знает бог.
Домик, одинок, закрылся,
Сад шумел и шевелился:
После дождя спать не мог [3, с.366].

В этих строчках, несмотря на видимые ошибки в грамматике, некоторые языковые неточности средств выражения, чувствуется поэзия, отголоски русской душевности и теплоты, возымевшие влияние на Рильке в результате его поездок по России. Результатом этого небольшого русскоязычного цикла поэта стали восемь стихотворений, среди них: «Утро», «Лицо», «Старик» и др. Читая строки поэта, написанные на русском языке, не перестаёшь удивляться многогранности его таланта и необыкновенным интересом, проявленным к России, её культуре и искусству. Посетив Петербург, Москву, Киев и многие другие города, побывав в русской глубинке у поэта-крестьянина Спиридона Дрожжина и познав быт русской деревни, пишет следующие строки, характеризующие русского человека:

«Русский человек, в основе своей глубоко равнодушен к внешней материальной стороне жизни; он исполнен смирения и набожности; его внимание обращено к внутренним духовным ценностям, заложенным в его душе. В этих духовных ценностях и состоит великое преимущество России перед западноевропейскими странами, которые давно уже их утратили и будущее русского народа должно определяться не техническим прогрессом, не политическими преобразованиями, а сохранением и вынашиванием этих ценностей, без которых не могло бы быть ни русского народного искусства, ни великой русской литературы, давшей миру Н. В. Гоголя, Л.Н.Толстого, Ф.М. Достоевского.» [4, стр.24].

Не всё о чём пишет поэт, имея в виду русских можно принять безоговорочно, но со многим можно согласиться вполне. Сегодняшнее развитие событий в мире подтверждает многие утверждения Рильке. Россия остаётся юной страной, которой предстоит духовный рассвет, страной с огромным потенциалом: с народом – художником, народом- созерцателем, хотя образ созерцателя уже меняется на образ – активного строителя. Однако и поныне русский человек воспринимается как противоположность западной рациональной цивилизации, как особое одухотворённое начало, известное широтой своих свободлюбивых взглядов и глубиной своих миролюбивых чувств.

Источники и литература

1. История немецкой литературы (1848-1918); – Т.№4. – М.: Издательство «Наука», 1968.
2. Рильке Р.М. Книга Образов. – Санкт-Петербург «Терция» Кристалл, 1999. – 445 с.
3. Рильке Р.М. Лирика / Сост.М.Рудницкий. – М., 1976. – С.158.
4. Рильке Р.М. Ворпсведе / Редакция И.Д.Рожанского; сост.Е.В.Головин. – Москва; Издательство «Искусство», 1971. – 450 с.
5. Рильке Р.М. Б.Пастернак. М.Цветаева. Письма 1926 года. – М.: «Книга», 1990. – 255с..
6. Хольтхузен Г.Э. Райнер Мария Рильке. – Пермь, Урал. LTD, 1998. – 393с.
7. Райнер Мария Рильке. Сонеты к Орфею. – Спб.: Изд-во «Азбука-классика», 2002. – 188 с.

Пуреховская О.В.

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ БАРОЧНОЙ ДРАМЫ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО: АНАЛИЗ СВЕТСКОГО ЖАНРА В СИСТЕМЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Драматургическое наследие Симеона Полоцкого можно справедливо считать наиболее изученным